

УДК 340

И.М. Гоов

*Северо-Кавказский институт (филиал)
Краснодарского университета МВД РФ
г. Краснодар, Россия
redaction-el@mail.ru*

**ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
В СИСТЕМЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

**[Goov I.M. Institutions of civil law within the system of common law
of North Caucasus peoples]**

It is considered the similarities and differences, cooperation and conflict of customary law institutions of Circassians, Ossetians, Karachai, Chechens, Ingush, Dagestanis and other peoples of the North Caucasus, taking into account all available scientific methods of jurisprudence. In the analyzed period in the North Caucasus it started to develop private ownership of land. This caused various legal consequences that were settled by Russian law. Along with the Russian legislation customary law still operates.

Key words: customary law, peoples of the Caucasus, civil law, baramta, legal relations.

Новизна настоящего исследования: мы постараемся показать общие черты и различия, взаимодействия и противоречия институтов обычного права адыгов, осетин, карачаевцев, чеченцев, ингушей, дагестанцев и других народов Северного Кавказа с учетом всех доступных юриспруденции научных методов. Мы не будем останавливаться на вопросах методологии, а перейдем к сути гражданско-правовых категорий. Несмотря на то что адаты горцев Северного Кавказа партикулярны, в них есть много общих черт, которые в первую очередь необходимо выделить, описать и объяснить в систематическом порядке.

На возникновение и развитие институтов гражданского права существенное воздействие оказали как влияние внешних факторов (норм мусульманского права и российского законодательства), так и внутренняя эволюция горского общества (натуральный характер хозяйства и общинная организация).

М.М. Ковалевский, Ф.И. Леонтович, В. Пфаф, А.М. Ладыженский и другие исследователи, занимавшиеся «социальной эмбриологией Кавказа», отмечали

одинаковый в основе уклад скотоводческого, полукочевого хозяйства, который породил более или менее однородное обычное право. Но утверждение об однородности обычного права горцев, на наш взгляд, может показаться решительно противоречащим общепризнанной дробности, разнообразию и текучести юридических обычаев кавказских горцев. Парадокс в том, что указанное разнообразие и изменчивость не изменяет общности и единства в основном и главном. Аталычество, ишкиль (барамта), кровная месть, калым, умыкание невест, гостеприимство, почитание стариков, система выкупов (композиций) и т.д. – все эти обычаи свойственны всем горцам Северного Кавказа. У народов, которые вели большую торговлю, или у которых значительно развились ремесла (приморские адыги, дагестанцы) сформировалась частная собственность и понятие личной ответственности. Но основные юридические воззрения у всех горцев оставались более или менее одинаковыми.

Субъектами правовых отношений являлись лица мужского пола, которые достигли совершеннолетнего возраста – приблизительно 15-ти лет. Специфической особенностью являлось то, что дееспособным мог быть только тот человек, который был автономен в семейном, статусном, хозяйственном отношении. Возраст совершеннолетия определяли при заключении разного рода сделок, выхода из-под опеки [16].

К институтам адатного права относились опека и попечительство, которые устанавливались над детьми, потерявшими обоих родителей; детьми, потерявшими только одного отца; вдовой. Опеку над вдовой, как правило, выполняли наследники, которые были обязаны содержать ее до смерти или как она выйдет замуж. Опекунам полагался калым от жениха, так же как и в случае если выходила замуж дочь умершего.

Для женщин опекунство устанавливалось до их смерти или выхода замуж; для детей – до совершеннолетия (для девочек – до замужества). В чистом виде патронат в регионе не существовал, однако ему был сходен институт аталычества, на котором мы подробно остановимся. Аталычество – по-татарски «аталык», значит приемный отец. Институт аталычества заключался в том, что горцы отдавали своих детей на воспитание в чужие семьи своего или другого аула. После достижения совершеннолетия воспитанник торжественно возвращался в родной дом. Между аталыком, «эмчеком», «амцеком», «эмцеком», («воспитатель, кормилец») и родителями воспитан-

ника возникало как бы искусственное родство. Воспитанник часто настолько привыкал к своим воспитателям, что нередко считал их более близкими родственниками, чем отца и мать. Бывали случаи, когда при возникновении кровной мести между родителями и аталыком воспитанник становился на сторону последнего и мстил за него своим кровным родственникам. Аталычество возникало по двум причинам: во-первых, в то опасное время, когда каждый горец мог ожидать нападения, ему необходима была помощь, поэтому естественно было его стремление иметь влиятельных родственников в разных аулах (аталыки являлись такими искусственно создаваемыми родственниками). А, во-вторых, занятый вечно войной и грабежом горский феодал не имел возможности воспитывать сам своих детей и отдавал их чужим людям. Считалось, что вне дома дети получают более суровый жизненный закал и делались лучшими воинами.

В XVIII и XIX вв. обычай отдавать детей на воспитание в чужие руки продолжал держаться по преимуществу только в семьях крупных кабардинских феодалов и применялся почти исключительно к мальчикам; но в далеком прошлом обычай этот был всеобщим. Он принадлежал к числу стародавних обычаев черкесов и описан еще в сочинении генуэзца Интериано. За лицом, желавшим принять на себя обязанность аталыка, признавалось даже право овладеть новорожденным силой и увезти его в свой аул. Я. Рейнегтс сообщает, что в прежние времена дети, вскоре после их рождения выкрадывались, возможно по сговору с их отцом и матерью. Семь свидетелей, которые должны были присутствовать при похищении, должны были впоследствии клятвенно удостоверить тождественность ребенка. Пока воспитанник находился у аталыка, его родители не должны были справляться о нем. Возвращению воспитанника по достижении им совершеннолетия в родительский дом предшествовал обряд, символически выражающий нежелание рода допустить акт усыновления: на толпу всадников, сопровождавшую воспитателя и его питомца, аульная молодежь по обычаю делала на них шуточное нападение. М.М. Ковалевский, М.О. Косвен, А.М. Ладыженский видели в этом и пережиток матриархата [4].

Аталычество – обычай очень древний и эволюционировавший. Аналогичная традиция имела место у скандинавцев и кельтов; у жителей Конго и у племен Меланезии. Пережитком этого является обычай ряда племен усынов-

ления дядей по стороны матери своих племянников и племянниц. Позже такая передача ребенка роду матери становилась временной, до наступления его совершеннолетия. Такая традиция сохранялась у негров гереро и у племен Аляски. У кабардинцев аталычество осложнилось влиянием феодальных отношений: оно стало не только правом материнского рода, но и феодальной повинностью. В силу этого институт аталычества и стал таким противоречивым. Легче понять ряд других обычаев, как, например, запрещение отцу брать своего ребенка на руки, называть его по имени и т.д. Как отмечали М.М. Ковалевский, В.Ф. Миллер и Г.А. Кокиев, в дальнейшем аталычество приобрело феодальные черты, указывая, что «сословные отношения осложняются со временем, благодаря широкому развитию между горскими татарами так называемого молочного родства» [5].

Молочное родство и вытекающие из него отношения нередко возникали и помимо отдачи ребенка на воспитание. У горцев Кавказа существовало и фиктивное молочное братство. Родовые усобицы обыкновенно оканчивались тем, что обидчик, согласившись на уплату «виры», усыновляется родом обиженного. Как указывает Н.Ф. Грабовский, кровомщение прекращалось и враждовавшие мирились в том случае, если сторона, за которой оставалась кровь, успевала украсть из семьи кровника мальчика, по воспитании и достижении юношеского возраста, он возвращался в свою семью, наделенный воспитателями разными подарками и в том числе лошадью и оружием. Такие воспитанники назывались по-кабардински « тлечежипкан – эмчек». Акт усыновления состоял в прикосновении губами к груди старейшей из женщин усыновляющего рода. После такого усыновления обидчик становился «эмчком» враждебного ему рода и получал от старейшин участок земли под условием платежа той же эмчекской подати, которую несли настоящие «молочные братья». Затем эмчком стала называться феодальная подать вообще [1]. Эту точку зрения на сущность аталычества в советской литературе развил Г.А. Кокиев. Он подчеркивал материальную заинтересованность взять на воспитание сына именно влиятельного и состоятельного рода [6].

К аталычеству тесно примыкает куначество. Кунак значит, с одной стороны, патрон, а с другой, приятель. Кунаки должны были оказывать друг другу помощь, и особенно теплое гостеприимство. Не прийти в трудную минуту на помощь аталыку или кунаку считалось большим позором. К.Ф. Сталь следу-

ющим образом характеризует куначество. «В прежние времена, когда междоусобные войны раздирали маленькие черкесские княжества, каждый черкес, вступив в границы земель чужого владения, был считан как неприятель и иностранец, т.е. подвергался опасности быть убитым, ограбленным или проданным, как невольник куда-нибудь на восток. Чтобы не подвергаться этому, он должен был иметь в чужом обществе влиятельного кунака, т.е. покровителя, на которого, в случае надобности он мог бы положиться. И потому куначество было весьма важным обычаем между всеми горцами, а в особенности между черкесами. Покровитель (кунак) и прибегавший под его защиту черкес были тесно связаны между собою, и никто не мог обидеть клиента, не подвергаясь неизбежному мщению кунака» [15]. Кунаки, как и аталыки, были полноправными временными членами семей. В настоящее время аталычество практически исчезло, а куначество до сих пор существует.

В исследуемый период институты опеки, попечительства и патроната при становлении государственности у северокавказских народов имели свои особенности: 1) не было юридического понятия данных институтов, что было связано с социальным развитием народов, с доминированием патриархальных отношений в Северо-Кавказском регионе, с неразвитостью юридической техники горцев; 2) отношения опеки и попечительства четко не были урегулированы законодательством.

Объектами гражданско-правовых отношений являлись, преимущественно, земля и скот. Относительно земли и скота возникали сделки: мены, купли-продажи, которые регулировались нормами обычного права. Почти все исследователи прошлого осетин, как подчеркивает И.Л. Пагаева, отмечали в своих трудах, что чувство собственности, у осетин вообще было развито слабо. Осетинским обычаям не свойственны такие понятия, как «собственность», «владение», «договор». Слабо были развиты основные принципы гражданского права. Все сделки совершались устно и никакой определенной формы не имели, никаких специально выработанных и трафаретных условий заключения сделок не существовало. Между тем были известны: купля-продажа, дарение, мена. Однако все они совершались на основе обычая и без каких-либо формальностей [13].

Рассмотрим данное положение подробнее. В исследуемый период земля уже переходила в частную собственность некоторых семей, но этот процесс

сдерживался общиной. Некоторыми авторами (М.К. Абаевым, К.Ф. Сталь, А.К. Халифаевой и др.), которые изучали земельные правоотношения горцев, земля была разделена на два фонда: частные земли – пахотные земли и часть покосов и выгонов и общественные земли – пастбища и часть сенокосов. С.В. Мачабели указывал, что усадебные места и приложенные к ним участки («ка-риас-туш») остаются за каждым двором без жребия. Остальные земли пере-деляются периодически между всеми. Выгоны, летние пастбища, дороги и неудобные места находятся в общем пользовании всех домохозяев, входящих в состав одного и того же рода, даже если они живут в разных селениях. Сверх того, каждый домохозяин вправе по снятии урожая пасти скот на всех землях, принадлежащих членам его рода [10]. В дальнейшем частная земель-ная собственность становилась преобладающей.

Разумеется, на первых этапах земли, использовавшиеся для нужд всей об-щины, по-прежнему оставались в общинном владении. К таким участкам отне-сены: пастбища, леса, часть сенокосов, вода, но со временем их стали захваты-вать представители сильных знатных родов. Это приводило к судебным тяж-бам. Более зажиточные и многолюдные семьи занимали участки, очищали их от леса, наносили землю на скалы и обращали такие заимки в свою собственность. По-чеченски такие заимки назывались «даалх», «даама хкой» (собственный за-гон) и «даалах пана» (собственный покос) [3]. Как отмечал Е.Д. Максимов, «члены рода первоначально приобретали только право пользования заимкой, а не право частной собственности над нею, право частной собственности на раз-работанные лесные участки появилось гораздо позже, вытекая из права общины на участок земли, который предоставляется в вольное пользование, но сплошь непроходимыми зарослями колючего кустарника. Заимка этого участка ограни-чена, сделавший ее получает только право продолжительного пользования рас-чищенной из-под кустарника землей, а не право владения ею, как полной соб-ственностью» [9]. Затем заимки превращались в собственность. «Слабые» фа-милии закладывали «сильным» участки своей земли, получая займы хлеб, скот, одежду и т.д. Такие заложенные участки были на положении «керинона», т.е. заложенной собственности. Процент по займам достигал 60-ти в год, что объяснялось нуждой заимополучателей (Ф.И. Леонтович). О продаже земли, передаче ее в наследство, уступке за калым мало было речи; позже познакоми-ли черкес с мыслью, что землю можно превратить в деньги.

В Дагестане различались следующие виды землевладения: 1) общественное, 2) мюльки, земли, расчищенные из-под леса и являющиеся собственностью тех, кто эту расчистку произвел, 3) ятаги, или кутаны бекские. Остатки родовых прав видны, например, из того, что в случае, если какая-либо семья продавала участок, находящийся в ее владении, родичам – членам другой семьи принадлежало преимущественное право его купить. Это напоминает существовавшее в древней Греции право родственников принимать участие при совершении договоров купли-продажи в качестве поручителей. По Гортинской правде отец, хотя и мог распоряжаться после смерти жены ее имуществом, но не вправе был закладывать и отчуждать его без согласия взрослых детей.

Другим основанием возникновения земельной собственности явилось уже сложившееся в развитых обществах владение землей представителями высших сословий. Наиболее ярко это проявилось в Кабарде. Здесь в начале XIX века зафиксированы такие формы землевладения: 1) фамильное владение; 2) владение неразделенных братьев; 3) владение дяди с племянниками; 4) неразделенное владение с другими родственниками; 5) индивидуальное владение. Причем последнее владение постепенно становилось преобладающим, что вполне объяснимо. Происходящий на протяжении столетия распад семейных общин и возникшая по причине этого индивидуализация собственности вызвали такие последствия. Правда, в документах середины XIX века есть ссылка, что земли в Кабарде не являлись частной собственностью одного лица, они были собственностью целых фамилий, «члены которых мужского пола наследовали совершенно равными частями». Но такое положение сохранялось не повсеместно и в основном среди среднего сословия.

В соответствии с указом от 21.05.1829 года кабардинцам и балкарцам разрешалось пользоваться пастбищными землями и лесными угодьями на таких условиях: 1) всю землю, которая была дарована в постоянное пользование кабардинцам и пяти горским обществам, распределили по участкам между десятью группами селений: в Кабарде – по фамилиям, а у балкарцев – по обществам, соразмерно числу дворов в каждой группе; 2) жители селений в каждой группе обязаны были использовать отведенные им участки пастбищных земель на общинном праве. Допускалась возможность перераспределения земельных угодий; сдачи свободных земель в аренду; 3) был установлен ежегодный налог в размере 10 коп. с десятины

земли; 4) леса были объявлены в нераздельное пользование всех кабардинских туземцев и пяти горских обществ; порядок пользования лесным фондом регулировали специальные правила [12].

После проведения реформы представителями высших сословий земля была получена в частную собственность, остальными свободными – на правах общинного владения. Бывшие крепостные землю не получили, так как в соответствии с Правилами об освобождении зависимых сословий в горских племенах Кавказа при освобождении зависимых крестьян они выкупали личную свободу, а не земельный участок.

Возникновение земельной собственности, особенно после того, как на Северном Кавказе была проведена крестьянская реформа, повлекло за собой становление арендных отношений. Объектом права собственности являлась не только земля, но и прочее движимое и недвижимое (дома, хозяйственные постройки) имущество, хотя в исследуемый период не было их четкого юридического понятия.

Объектом договора аренды главным образом была земля, хотя в источниках порой упоминаются другие объекты, в частности скот. Данный вид арендных отношений получил широкое распространение в Карачае. Там он назывался Чегем-Ортак и Карачай-Ортак. По нормам обязательственного права карачаевцев и балкарцев объектом аренды этого вида был скот. При Чегем-Ортаке скот брали в аренду на 5 лет, после чего возвращали хозяину. Приплод, который был получен в течение этих пяти лет, получал арендатор. Никаких дополнительных условий этим видом аренды не предусматривалось. В специальном исследовании о карачаевцах Н.Г. Петрусевича «Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам» описывается порядок исчисления процентов, имевший свои особенности в карачаевском обществе. По данным Н.Г. Петрусевича, счет процентов до 70-х гг. XIX в. вели исходя из приплода скота. Это давало возможность кредитору в течение нескольких лет получать с должника сумму, во много раз превышающую долг. При Карачай-Ортаке за скот, полученный в аренду, арендатор обязан был отработать на земле арендодателя определенный срок, и по прошествии пяти лет получал право только на 1/3 часть скота от арендуемого. Встает вопрос о различии арендных цен и условий и разного вида аренды [2].

У горцев Северного Кавказа, у которых имелись пахотные участки и которые сдавали их в аренду, оплата производилась в основном натурой. После получения урожая арендатор обыкновенно вычитал из урожая семена, а остальное делил поровну с землевладельцем. Такая натуральная оплата была очень распространена среди терских и кубанских казаков. Она, помимо всего остального, обуславливалась тем, что на Кавказе и Предкавказье урожаи были крайне неравномерны и потому арендатор не мог заранее поручиться уплатить какую-либо определенную, более или менее значительную сумму. С другой стороны, в случае хорошего урожая землевладелец был заинтересован получить побольше. В дореволюционное время земледелие носило «лотерейный» характер и считалось, что как арендатор, так и землевладелец должны участвовать в этой «лотерее». Аренда земли незаметным образом иногда переходила в наем работника. В данном случае арендатор, помимо земли, должен был получить инвентарь и семена, а также оплатить собственнику более 2/3 урожая. В 1910–1915-е гг. подобные сделки имели место в адыгейских аулах – Тахтамукай, Хакуринохабль, Понежукай и др. [8].

В пореформенное время из-за дальнейшего развития товарно-денежных отношений арендные цены на пахотные земли стали колебаться, в зависимости от года аренды, от 75 копеек до 3 рублей за десятину. В аренду сдавали не только пахотные земли, но и пастбища, и сенокосы. При аренде сенокосов арендодатель получал 1/3 арендной платы, тогда как при аренде пастбищ факторами, оказывающими влияние на размер арендной платы, служили категория скота, а также расположение пастбищ.

Другим видом аренды надо назвать субаренду, имевшую разнообразные формы, объектом которой были земля и скот. Большое внимание уделено земле, ставшей основным предметом спекулятивных сделок. Проанализировав источники, можно увидеть, что субарендные цены превышали арендные цены, как минимум, в 7 раз. В том случае, если арендатором являлся человек со стороны или иной национальности, стоимость аренды еще больше возрастала.

Спекуляция арендными землями, которые в 1889 г., в частности, у кабардинцев и балкарцев «отошли в вечную льготную аренду... по 10 копеек с десятины», привела к тому, что правительством был поставлен вопрос о ликвидации субаренды. Однако никаких практических мер правительством принято не было. Это способствовало дальнейшему росту арендной платы, к

тому же зачастую сам субарендатор становился арендодателем, раздробляя арендуемый участок на отдельные участки и сдавая эти участки более мелким арендатором по повышенной цене. Ликвидация субаренды так и не была выполнена, несмотря на имеющиеся предложения по этому вопросу. Последнее предложение было сделано уже в XX в., в частности, в циркуляре наместника на Кавказе от 2 мая 1914 г. В нем указывалось, что большинство участков казенной земли было закреплено за лицами, которые не нуждались в них, тогда как скотоводческое население вынуждено снимать земли в субаренду либо сдавать скот на выпас за очень высокую плату.

Следовательно, арендные отношения народов Северо-Западного Кавказа в XIX столетии имели ряд признаков: их объектом являлись земля и скот; арендная плата зависела, во-первых, от сословной принадлежности арендатора и арендодателя; во-вторых, от национальности арендатора; в-третьих, от категории землевладения. Особый характер этому виду отношений придавали следующие моменты: скот в качестве объекта аренды; как правило, натуральный характер аренды; большая зависимость аренды от субъективных факторов; широкое распространение субаренды.

Кроме собственности родовой, семейной и индивидуальной, у горцев можно было увидеть и зарождение понятия «собственности юридического лица». Оно имело религиозное происхождение. У хевсур были земли, посвященные родовому культу, родовому образу («хати»). У мусульман подобной мечетской собственностью являлся вакуф. У кабардинцев имелись также «реальные договоры», т.е. такие, при которых передавалась сама вещь, о которой заключалось соглашение. Имелись формальные договоры, при которых требовалось совершение известных символических действий. Среди них самым распространенным являлось рукобитие. Данный обычай наиболее характерен для кабардинцев. Помимо рукобития, способом заключения договора была присяга. Имелись специальные формы для заключения сделок некоторого рода. К примеру, как память о состоявшейся сделке между двумя селениями или сторонами, во дворе капища ставился камень. Когда заключался договор займа, кредитор брал за ухо одного или двух свидетелей, которые присутствовали при сделке, и произносил слова: «Помните, что такой-то занял у меня деньги». М.М. Ковалевский сравнивал этот обычай с обычаем, существовавшим в Штирии, давать пощечину своим детям для памяти в случае

восстановления спорной межи и обычаем великорусских крестьян пороть мальчиков на границе земельных участков, только что вышедших из спора.

При отчуждении земельной собственности согласно обычаю продавец и покупатель выходили на отчуждаемое поле, и в присутствии свидетелей на поле происходило что-то вроде русского дореволюционного входа во владение. Без такого ввода во владение продажа считалась недействительной.

Из других гражданско-правовых обычаев народов Северного Кавказа следует отметить следующий: те горцы, у кого имелось потомство, не вправе были никому ничего дарить. В данной адате не трудно видеть пережиток родового обычая, проявление взгляда на все имущество, кому бы из членов оно ни принадлежало, в конечном счете как на семейно-родовое. Указанное запрещение дарить не распространялось на движимые вещи, которые с давних пор находились в личном обладании членов семьи. У кабардинцев подобного запрещения не существовало. Согласно шариату при жизни можно было дарить кому угодно и что угодно. Однако широкое применение дарения на случай смерти очень нарушало интересы семьи и рода, а потому с ним усиленно боролись.

У всех северокавказских народов при отчуждении земли или сдаче земли в аренду было соблюдено право преимущественной покупки родственниками и соседями. Продавец до того как отчуждать участок посторонним, обязан был предложить его купить поначалу членам своего рода, а потом – членам своего селения. И только если и те, и другие отказывались его купить, он имел право продать участок постороннему человеку. У кабардинцев существовало право последующего выкупа родового имущества.

У горцев Северного Кавказа имелся договор передачи прав: в Кабарде кредитор мог уступить свое требование за просроченный долг за вознаграждение. К тому же правопреемник был вправе обратить штрафы и проценты за просрочку платежа в свою пользу, которые были весьма высоки. Штрафы с неаккуратного плательщика взыскивались как с вора [17]. Оригинальным способом обеспечения займа у горцев был запрет выдавать замуж дочерей и получать калым должнику до тех пор, пока он не погасит долг. Этот обычай характерен для вайнахов.

Что касается залога, то кавказоведы упоминают два вида залога – бегенду и джюклюк, которые были связаны с землей. При первом виде залога креди-

тор вместо процентов пользовался урожаем с заложенной земли. При втором виде залога земля оставалась у должника и только при неуплате долга передавалась в собственность кредитора [11].

Предшественницей залогового права являлся ишкиль (барамта, или баранта). Этот институт гражданского права можно отнести к системе отношений, связанных с обязательствами и договорами. Адаты по гражданским делам находятся рядом с адатами по воровству и поджогам. По словам А.В. Комарова, «воровство, грабеж, потравы, поджоги, умышленные и неумышленные, и вообще всякая порча имущества адатом подводятся под одну категорию» [7]. Ишкиль (барамта) означает право истца, потерявшего надежду на добровольное удовлетворение со стороны ответчика. Другими словами, речь идет о захвате имущества для принуждения ответчика к удовлетворению имущественных претензий. На то, что ишкиль был широко распространен в Дагестане, указывает сохранившаяся обширная переписка XIX в. между «вольными обществами», ханами и мусульманскими юристами о прецедентах ишкиля [14].

На Западном Кавказе предметами подобного захвата, как правило, были стада баранов. Поэтому данный институт и стал называться барамта. Как отмечал А.В. Комаров, «брать баранту следует с тех, кто не отделился от тухума ответчика» [7]. Впоследствии по мере изживания родовых представлений барантование было ограничено лишь имуществом самого обидчика. «Всякому, кто знаком с содержанием древнейших законодательных памятников, самоуправный захват, практикуемый с целью удовлетворения гражданской претензии, порожденной имущественным преступлением, или простым неплатежом долга, представляется чем-то вполне знакомым», – указывал М.М. Ковалевский [4].

Таким образом, у термина барамта, или баранта, было несколько значений: 1) скот, 2) преступление – грабеж, т.е. отнятие чужой вещи с целью ее присвоения, 3) военный захват, угон или взятие в плен людей и скота, 4) наказание в виде конфискации чужого имущества, 5) арест чужого имущества до суда в обеспечение прав кредитора, обеспечение прав обиженного, обокраденного и потерпевшего, материальный ущерб от неправильных действий ответчика, 6) меры обеспечения судебного приговора, 7) право сородичей убитого до исполнения кровомщения захватить имущество

убийцы и его сородичей, 8) право князя отобрать имущество у подвластных ему людей – узденей и чагар в свою пользу. Эти очень разные значения вместе с тем были тесно взаимосвязаны и вытекали из одного основания – захвата чужого имущества, обычно скота.

О барамте подробно сказано в сборнике Кайтахских адатов. Барамта в нем понимается как право истца, не получившего удовлетворения от ответчика, напасть на его родственника или односельчанина и украсть или силой отнять принадлежавшие им вещи, не возвращая их до тех пор, пока ответчиком не будет удовлетворен иск. «Свод адатов Северного Кавказа» сообщает, что еще в середине XIX в. существовал обычай барамты: «случается, что обидчиком может быть лицо, имеющее силу и вес в обществе, которого и судьи не в состоянии принудить к исполнению приговоров; в таком случае обиженный удаляется в другую деревню или общество и с помощью своих родственников, или кунаков что-нибудь ворует у обидевшего его». В изложенном смысле слова «барамта» во многом напоминает нам древне-римский *legis actio per capionem*: захват чужого имущества в обеспечение осуществления ответчиком прав истца, так сказать принудительный залог. Но под словом барамта у горцев понимался и захват чужого имущества, как правило, скота, с целью его присвоить. В сборнике осетинских адатов говорится о штрафе в 3,7 и даже в 20 раз превышающем стоимость похищенного, причем чем ниже стоимость украденного, тем больше число раз взыскивается она с похитителя. По адатам кавказских горцев в статье 8 мы читаем, что за кражу лошади, быка или коровы вор должен был уплатить троекратную стоимость похищенного, за барана – семикратную [8]. В таком именно смысле понимает термин «барамта» и статья 200 в главе X Уголовного кодекса РСФСР. В ней говорится, что самовольное взятие скота или другого имущества (барамта) без присвоения его, а лишь с целью принуждения потерпевшего или его родных к даче удовлетворения за нанесенную обиду или вознаграждения за причиненный имущественный ущерб карается исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев или штрафом до 500 рублей. То же действие при наличии оружия карается лишением свободы на срок до одного года. То же действие, совершенное группой сородичей, в отношении организаторов, подстрекателей и руководителей карается лишением свободы на срок до трех лет. Для остальных участников – лишением свободы на срок до одного года.

Значит можно сказать, что в исследуемый период на Северном Кавказе начала складываться частная собственность на землю. Это вызывало различные правовые последствия, которые в основном были урегулированы российским законодательством. Тем не менее, одновременно с российским законодательством по-прежнему действовали и нормы обычного права. Довольно ярко это проявлялось в области земельных правоотношений, к примеру, в земельной аренде и залоге земельных участков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грабовский Н.Ф.* Очерки суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССКГ. 1870. Вып.4.
2. Гражданское право. URL: <http://studentu-vuza.ru/pravo-narodov-kavkaza/lektsii/grazhdanskoe-pravo.html>
3. *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области: Терский сборник Вып. 7. 1910.
4. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т.1.
5. *Ковалевский М.М., Миллер В.Ф.* В Горских обществах Кабарды // Вестник Европы, СПб., 1884. Т. 2. Кн. 3-4.
6. *Кокиев Г.А.* К вопросу об аталычестве // Революция и горец. 1919. № 3.
7. *Комаров А. В.* Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. I. М., 1992.
8. *Ладыженский А.М.* Адаты горцев Северного Кавказа // Научное издание Южнороссийское обозрение. Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 18.
9. *Максимов Е.Д.* Туземцы Северного Кавказа: историко-статистические очерки. Вып. 3. Чеченцы. Владикавказ, 1894.
10. *Мачабели С.В.* Экономический быт Тионетского уезда Тифлисской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1887. Т. 5.
11. *Невская В.П.* Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). Черкесск, 1960.

12. Основные черты обычного права народов Северного Кавказа // <http://studentu-vuza.ru/pravo-narodov-kavkaza/lektcii/osnovnyie-chertyi-obyichnogo-prava-narodov-severnogo-kavkaza.html>
13. Пагаева И.Л. Обычное право осетин // Дис. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
14. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1260–1310.
15. Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа: Кавказский сборник. Т. 21. Тифлис, 1900.
16. Халифаева А.К. История государства и права Дагестана. Махачкала, 2015.
17. Худалов Н.Л. Заметки о Хевсуретии // Записки Кавказского отдела Русского Географического общества. Тифлис, 1890. Кн. 14. Вып. 1.

REFERENCES

1. Grabowski N.F. Sketches of the court and of criminal offenses in the Kabarda District // SSKG. 1870. The issue 4.
2. Civil law. URL: <http://studentu-vuza.ru/pravo-narodov-kavkaza/lektcii/grazhdanskoe-pravo.html>
3. Ivanenkov N.S. Mountain Chechens. Cultural and economic study of the Chechen region of Nagorny band of the Terek region: Terek collection Vol. 7. 1910.
4. Kovalevsky M.M. Law and custom in the Caucasus. M., 1890. Vol.1.
5. Kovalevsky M.M., Miller V.F. The mountain communities Kabardia // Herald of Europe, St. Petersburg., 1884. T. 2. Pr. W 4.
6. Kokiev G.A. On the question of Fosterage // Revolution and mountaineer. 1919. № 3.
7. Komarov A.V. Adat and proceedings thereon // SSKG. Vol. I. M., 1992.
8. Ladyzhenskii A.M. Adat mountaineers of the Northern Caucasus // Scientific edition South-Russian review. Rostov-on-Don, 2003. Vol. 18.
9. Maksimov E.D. The natives of the North Caucasus: historical and statistical review. Vol. 3. Chechens. Vladikavkaz, 1894.

10. *Machabeli S.V.* The economic life of the county Tionetskogo Tiflis province // Materials for the study of the economic life of the state peasants Transcaucasian edge. Tbilisi, 1887. Т. 5.
11. *Nevskaya V.P.* Socio-economic development of the Karachai in the XIX century (pre-reform period). Cherkessk, 1960.
12. The main features of the ordinary rights of the peoples of the Northern Caucasus // <http://studentu-vuza.ru/pravo-narodov-kavkaza/lektcii/osnovnyie-chertyi-obyichnogo-prava-narodov-severnogo-kavkaza.html>
13. *Pagaeva I.L.* Customary law Ossetians // Dis. cand. jurid. Sciences. Rostov-on-Don, 2006.
14. RF IIAE DSC RAS. F. 16. Op. 1. AD 1260-1310.
15. *Stal K.F.* Ethnographic sketch of the Circassian people: Caucasian collection. Т. 21. Tiflis 1900.
16. *Halifaeva A.K.* History of State and Law of Dagestan. Makhachkala, 2015.
17. *Khudalov N.L.* Notes // Notes Khevsureti Caucasian Department of the Russian Geographical Society. Tbilisi, 1890. Кн. 14. Vol. 1.

5 октября 2015 г.
